

Говард Филлипс Лавкрафт

Соня Грин

Ужас на пляже Мартин

(The Horror at Martin's Beach)

Я никогда не слышал ни одного даже примерно вразумительного объяснения ужасу на пляже Мартин. Несмотря на большое число свидетелей, все рассказы разнятся; и показания, взятые местными властями, содержат самые удивительные противоречия.

Вероятно, такая туманность вполне естественна ввиду неслыханного характера самого этого ужаса, почти парализовавшего страхом всех видевших его, и усилий, приложенных фешенебельной гостиницей Уэйвкрест замять это происшествие после огласки, вызванной статьей профессора Аона "Ограничиваются ли гипнотические способности известными человечеству?" Несмотря на все эти препятствия, я попытаюсь представить ясно изложенную версию, так как я видел это отвратительное происшествие и считаю, что оно должно быть известно из-за тех страшных предположений, для которых оно дает повод. Пляж Мартин вновь популярен как место купания, но я с содроганием думаю о нем. Я вовсе не могу без дрожи смотреть на океан.

Року не чужды театральность и кульминация, так как ужасное событие 8 августа 1922 года на пляже Мартин последовало за периодом беззаботного оживления и любопытства. 17 мая команда рыболовного судна "Альма Глостерская", под руководством капитана Джеймса П. Орна, после почти сорокачасового противостояния убила морское чудовище, чьи размеры и вид произвели невероятный шум в научных кругах и заставили некоторых бостонских натуралистов принять все меры предосторожности, чтобы сохранить его нетронутым.

Чудовище, пятидесяти футов в длину и около десяти футов в диаметре, имело примерно цилиндрическую форму. Без сомнения по принадлежности к виду это была рыба, имеющая жабры, но с некоторыми любопытными видоизменениями, такими как рудиментарные передние лапы и шестипалая стопа на месте грудного плавника, которые повсеместно дали повод самым разным предположениям. Странный рот рыбы, ее толстая чешуя и единственный глубоко посаженный глаз удивляли не меньше ее колоссальных размеров. А когда натуралисты объявили, что это младенческий организм, появившийся на свет лишь несколькими днями ранее, общественный интерес многократно увеличился.

С типичной для янки предприимчивостью капитан Орн приобрел судно, достаточно большое для содержания в нем этого объекта, и договорился о выставке своей добычи. Доведя до конца необходимые плотнические работы, он приготовил экспонат, который один мог бы соперничать с отличным морским музеем. Отплыв на юг к богатому

курортному району рядом с пляжем Мартин, он бросил якорь у причала гостиницы и начал получать плату за просмотр.

Удивительные анатомические свойства объекта и важность, которой он без сомнения обладал в глазах посетителей-ученых, живущих неподалеку или прибывших издалека - все это превратило находку в сенсацию сезона. То, что она была абсолютно уникальна - уникальна настолько, что могла совершить революцию в науке - понимали все. Натуралисты доказали, что объект в корне отличался от подобной гигантской рыбы, пойманной у побережья Флориды; что, хотя находка и была, очевидно, обитателем почти невероятных глубин океана - возможно в тысячах футов от поверхности - ее мозг и важнейшие органы свидетельствовали о поразительной развитости существа, а по размерам превосходили все, до тех пор относившееся к роду рыб.

Утром 20 июля сенсация усилилась из-за потери судна вместе с его странным сокровищем. Накануне ночью во время шторма оно оторвалось от швартовых и бесследно исчезло из поля зрения охранника, который, несмотря на ненастную погоду, ночевал на палубе стоявшего рядом корабля. Капитан Орн, при поддержке заинтересованных ученых и с помощью большого количества рыболовных кораблей из Глостера, предпринял тщательные поиски, которые, однако, не увенчались успехом, за исключением еще более увеличившегося интереса и разгорающихся толков. К 7 июля была потеряна всякая надежда, и капитан Орн вернулся в гостиницу Уейвкрест для завершения своих дел на пляже Мартин и совещания с некоторыми из ученых, остававшимися там. Ужас пришел 8 августа.

Это произошло в сумерки, когда очень низко над берегом парили серые морские птицы, а восходящая луна только начинала прокладывать свою серебристую дорожку по водам. Нельзя забывать об этой обстановке, так как важен каждый момент. На пляже было несколько праздно прогуливающихся и поздно купающихся людей: они не спешили возвращаться в свое поселение, которое неприметно примостилось дальше к северу на зеленом холме, или в прилегающую гостиницу, возвышающуюся на скале, чьи внушительные башни свидетельствовали о приверженности к богатству и великолепию.

Довольно близко, в пределах видимости, расположилась еще одна группа наблюдателей, которые отдыхали на освещенной фонарями террасе под высокой крышей, и, вероятно, наслаждались танцевальной музыкой, доносившейся из роскошного бального зала. Эти наблюдатели, среди которых был и капитан Орн с несколькими научными собратьями, присоединились к группе на пляже еще до того, как ужас зашел слишком далеко; с ними были и многие люди из гостиницы. Конечно, недостатка в свидетелях не было, как бы ни были спутаны их истории из-за страха и сомнения в том, что они увидели.

Неизвестно, когда точно все это началось, хотя большинство говорят, что почти полная луна была "где-то в футе" над низко стелющимся паром на горизонте. Они упоминали луну, так как то, что они видели, казалось каким-то образом связанным с ней - какая-то едва заметная, осторожно продвигающаяся, угрожающая зыбь, которая катилась от далекой линии горизонта вдоль пенящейся дорожки лунного света, хотя, казалось, она утихла, еще не достигнув берега. Многие не обратили внимания на эту зыбь, пока им не напомнили об этом последующие события; но она представлялась очень заметной,

отличаясь по высоте и движению от обычных волн вокруг нее. Некоторые назвали ее проворной и преследующей какую-то цель. И как только она стремительно исчезла за черными рифами, вдалеке из черных, прорезанных серебристыми прожилками вод раздался предсмертный крик - вопль страдания и отчаяния, который вызывал сострадание, хотя в нем и слышалось некое глумление.

Первыми на крик отозвались два дежуривших спасателя - крепкие парни в белых купальных костюмах, на груди у которых красовалась надпись, заявляющая об их профессии. Как бы привычна для них не была работа спасателями и крики утопающих, они не слышали ничего знакомого в таинственном вое. Однако они не обратили особого внимания на эти странности и по чувству долга продолжали следовать обычному порядку.

Торопливо схватив спасательную надувную подушку, которая с привязанным мотком каната всегда была у них под рукой, один из спасателей быстро побежал вдоль берега к месту, где уже собиралась толпа. Там, раскрутив подушку над головой, он метнул ее в направлении, откуда донесся звук. Подушка исчезла в волнах, и толпа с любопытством ожидала, когда появится злополучный пострадавший, чье отчаяние было настолько велико. Всем не терпелось увидеть, как увесистый канат поможет спасти тонущего.

Но вскоре оказалось, что спасение пострадавшего было не таким быстрым и легким делом, так как, несмотря на силу, которой два мускулистых спасателя тянули канат, они не могли сдвинуть то, что было на другом его конце. Напротив, они обнаружили, что этот объект с равной или даже большей силой тянет веревку в противоположном направлении, и через несколько мгновений неведомая сила, оказавшаяся с другой стороны спасательного каната, сбила их с ног и затащила в воду.

Один из спасателей, придя в себя, тут же позвал на помощь людей из толпы на берегу и кинул им оставшийся конец веревки. Через секунду на помощь пришли все крепкие мужчины, среди которых выделялся капитан Орн. Более дюжины крепких рук изо всех сил тянули теперь канат, но безуспешно.

Как бы усердно не тянули они, странная сила на другом конце веревки тянула в свою сторону еще усерднее, и так как ни одна сторона не уступала другой ни на миг, канат натянулся невероятно туго как толстая струна. Тянущие ее люди, как и зрители, к этому времени терялись в догадках касательно природы непонятной силы из моря. Предположение о тонущем человеке уже давно было отброшено, и теперь громко звучали догадки о китах, подводных лодках, чудовищах и демонах. Там, куда спасателей привело сострадание, теперь их держало любопытство, и они тянули канат с мрачной решимостью раскрыть тайну.

Наконец, когда все пришли к выводу, что воздушную подушку, должно быть, проглотил кит, капитан Орн, как прирожденный лидер, закричал стоящим на берегу, что нужно привести корабль, чтобы приблизиться, загарпунить и вытащить на берег невидимого левиафана. Несколько человек тут же приготовились бежать в разные места в поисках подходящего судна, в то время, как другие взялись за натянутую веревку, готовясь заменить капитана, так как его место было, естественно, с теми, кто составил бы команду новоприбывшего корабля. Мнение капитана Орна о сложившемся положении

ни в коем случае не ограничивалось предположением о китах, так как ему пришлось иметь дело с чудовищем, во много раз более странным. Он задавался вопросом, как же может выглядеть и вести себя взрослая особь того вида, принадлежащее к которому пятидесятифутовое существо было всего лишь детенышем.

И тут со страшной неожиданностью выяснилось нечто важное, что полностью изменило всю ситуацию с удивительной на ужасающую и наполнило страхом собравшуюся толпу работников и зевак. Капитан Орн, повернувшись, чтобы покинуть свое место, обнаружил, что его руки необъяснимой силой остались на том же месте. Через миг он понял, что не может отпустить веревку. О его положении тут же догадались остальные, и каждый из мужчин, проверив свои руки, столкнулся с тем же. Невозможно было отрицать - каждый, кто тянул веревку, непреодолимым и загадочным образом был прикован к пеньковому канату, который медленно, безжалостно и с отвратительной неумолимостью тянул их в море.

Воцарился безмолвный ужас; ужас, который, охватив наблюдателей, вверг их в полное оцепенение и безумие. Это помешательство отразилось в их противоречащих друг другу показаниях и беспомощных оправданиях, которыми они объясняли свое по всей видимости бесчувственное бездействие. Я был среди них, и я знаю.

Даже сами держащиеся за веревку, после нескольких отчаянных воплей и безрезультатных стенаний, поддались парализующему влиянию и замолчали, перед лицом неведомых сил покорившись неотвратимому. И они стояли в мертвенно-бледном свете луны, вслепую борясь с призрачным роком и однообразно раскачиваясь из стороны в сторону, в то время как вода сначала подобралась к их коленям, а затем дошла до пояса. Луна частью скрылась за тучами, и в полутьме ряд раскачивающихся мужчин напоминал какую-то зловещую гигантскую сороконожку, извивающуюся в тисках страшной подкрадывающейся смерти.

Все туже натягивался канат по мере того, как усиливалась борьба с обоих концов и нити каната уже набухли в поднимающихся волнах. Медленно приближался прилив, пока неумолимый поток полностью не поглотил пески, где совсем недавно были смеющиеся дети и шепчущиеся влюбленные. Толпа объятых паникой наблюдателей, не оборачиваясь, пятилась назад от волн, когда они доползали до их ног, а на значительном расстоянии от зрителей, наполовину скрывшись под водой, продолжала раскачиваться, ужасающая цепочка тянущих канат. Стояла полная тишина.

Толпа, сбившись вместе вне досягаемости прилива, не отрывала глаз в немом изумлении - не произнося ни советов, ни слов ободрения, ни пытаясь как-то помочь. В воздухе чувствовался кошмарный страх перед нависшим надо всеми злом, которого еще не знал мир. Минуты, казалось, растягивались в часы, и все еще змея из человеческих туловищ была видна над быстро прибывающей водой. Она ритмично раскачивалась, медленно, ужасно, а над ней ощущалась печатью рока. Восходящая луна то появлялась, то скрывалась за еще более густыми облаками, и сверкающая дорожка на воде почти исчезла.

В сумраке едва различимо извивалась змейка наклоненных голов, и время от времени бледнело в темноте лицо еще живой жертвы, оглядывающейся на берег. Все быстрее

собирались тучи, пока, наконец, они не разломились, испустив тонкие языки лихорадочного пламени. Раздался гром, сначала тихий, а потом усилившийся до оглушающего, сводящего с ума рокота. Затем последовал самый сильный удар, чье эхо, казалось, потрясло и море, и сушу. А вслед за ним разразился такой ливень, чья сила и жестокость победила ослепший мир, как будто сами небеса разверзлись, выпустив на волю карающий все на своем пути поток.

Наблюдатели, действуя инстинктивно, несмотря на бессознательность и бессвязность мыслей, теперь отошли вверх, к ступеням в скалах, ведущим к террасе гостиницы. Слух достиг и оставшихся внутри гостиницы, поэтому бежавшие очевидцы застали там ужас, почти равный страху, обуявшему их самих. Думаю, кто-то в испуге произнес несколько слов, но не могу утверждать точно.

Некоторые люди, которые в гостинице, в ужасе скрылись в своих комнатах, а остальные остались наблюдать за тонущими жертвами - линия колеблющихся голов показывалась над бушующими волнами в свете вспышек молнии. Я вспоминаю эти головы и думаю, какие у этих людей должны были быть глаза - выпученные, с отразившимся в них страхом, паникой и бредом всей обозленной вселенной. Вся печаль, весь грех и все страдание, разрушенные надежды и неисполнившиеся желания, ужас, ненависть и вековая тревога с самого начала времен. Глаза, горящие болью, терзающей душу в незатухающем адском пламени.

И когда я неотрывно глядел поверх этих жертв, я увидел еще один глаз -единственный глаз, тоже горящий, но в котором читалась цель, настолько отвратительная для моего сознания, что это видение вскоре ушло. В тисках неизвестного зла, линию проклятых жертв тащило все дальше; их безмолвные крики и произнесенные молитвы были известны теперь только демонам черных вод и ночному ветру.

И вдруг с разъяренного неба сошел такой безумный взрыв сатанинского грома, который превзошел даже предыдущий раскат. Среди ослепляющего пламени, сходящего с неба, голос небес прозвучал одновременно с богохульствами ада, и вся агония обреченных отозвалась в одном отразившемся от планеты раскате исполинского грома. Это был конец шторма, так как таинственным образом дождь тут же прекратился, и луна вновь пролила свой бледный свет на странно успокоившееся море.

Уже не было змейки качающихся голов людей. Вода была спокойна, и только вдалеке от дорожки лунного света ее перерезала небольшая рябь, похожая на водоворот - там, где впервые раздался странный крик. Но когда я, захваченный лихорадочными мыслями и страшным потрясением чувств, посмотрел на эту блистающую серебром угрожающую зыбь, из каких-то бездонных далеких глубин до моих ушей донеслись слабые и зловещие отголоски смеха.

Перевод: Вера Санина

2008 год